

21 июня 1983 г.

Х ОРОШО помню первую встречу с Федором Васильевичем Gladковым. Познакомил с ним меня ярославский писатель Павел Федорович Лосев.

Имя Gladкова было широко известно читателям: ведь мы воспитывались на его романах «Цемент», а в 1949 году как раз вышла его романах «Цемент», «Энергия», а в 1949 году

100 ЛЕТ СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ
Ф. В. ГЛАДКОВА

Наставник

как раз вышла его «Повесть о детстве».

Чуть повыше меня ростом, но более крепкий, я бы сказал, основательный, он выпрашивал о фронтовых буднях прошедшей войны, о том, как ведется летчиками воздушное фотографирование, о ярославских памятниках старины. Из-под очков, не мигая, смотрели на меня внимательные глаза и как будто подбадривали.

Прощаясь, он вынул из портфеля небольшую книжечку из «Библиотеки «Огонька»; в ней была опубликована глава из «Повести о детстве» — «Бунт». Автоматический карандаш пробежал по титульному листу: «Борису Дмитриевичу Челышеву, на память о беседе! Федор Gladков».

Пришло время, и я вновь приехал в Москву из Ярославля. Отыскал Федора Васильевича, которому переслал два своих рассказа, опубликованных в журнале «Смена» и в одной из газет. Он так «разделал» стиль моих (уже опубликованных!) рассказов, что я то краснел,

то бледнел, не зная, куда девать глаза! Правда, в конце милостиво похвалил: сюжет, мол, у вас удачен — динамично и «ловко закручен».

Было еще несколько встреч, особенно, когда Федор Васильевич Gladков стал директором Литературного института имени А. М. Горького, я — аспирантом Московского пединститута. Нас, студентов и аспирантов, привлекало в нем то, что он был как бы «посланец Горького» в наше время. Ведь именно Максим Горький был его учителем. Недаром еще до революции один околотературный барин, у которого Gladков мыл полы в доме, сказал, протянув ему две тоненькие книжечки с рассказами Горького.

— Вот, Федор... Этот молодой беллетрист будет тебе сродни. Он из низов, кажется, бывший босяк...

В литературной критике того, да и нашего времени, как-то принято сравнивать «Повесть о детстве» с автобиографическими повестями Горького, отводить место Gladкову как «последователю» великого писателя, указывать на так называемое «влияние». Но, думается, автобиографические повести и Василия Смирнова, и Федора Панферова, и Федора Gladкова — следствие прежде всего жизненной необходимости выразить себя, рассказать о своем горестном прошлом. Они различны по содержанию, но объединены одним — показом становления человека из низов, из мира «отверженных».

Было несколько писем, вернее, записок — кратких, немногословных, но деловых. Он критиковал мои рассказы, указывал на излишнее обилие деталей, на стиль. А однажды живо заинтересовался моими поисками литературных документов: писем Л. Н. Трефолева, рассказов А. П. Чехова, редких книг Н. А. Некрасова. И, помню, высказал предположение:

— Аа не является ли вот это вашим глубоко личным? Не этим ли вам заниматься...

Прошло несколько лет, и я стал заниматься именно «этим». Правда, с Федором Васильевичем Gladковым уже больше не встречался. И теперь, в столетие со дня его рождения, вспоминаю, о замечательном писателе и в некотором роде своем учителе. Он был человеком-тружеником в самом высоком, горьковском смысле этого слова. И мудрым наставником молодежи!

Б. ЧЕЛЫШЕВ,
доцент Тираспольского
пединститута имени
Т. Г. Шевченко.